

Эрих
ФРОММ

Из плена
иллюзий

PHILOSOPHY

Эрих Фромм
Из плена иллюзий
Серия «Философия – Neoclassic»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=583275

*По ту сторону порабощающих нас иллюзий: Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. Дзен-буддизм и психоанализ: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-100942-7*

Аннотация

Эрих Фромм – крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы. «Из плена иллюзий» – работа, в которой великий ученый исследует генезис, мифологию и основные философские аспекты двух учений, в максимальной степени повлиявших на формирование мышления интеллигенции XX века – марксизма и фрейдизма.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

I. Несколько эпизодов из моего личного прошлого	5
II. Общие основы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрих Фромм

Из плена иллюзий

Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы – не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком.

Карл Маркс

Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет». Мы можем назвать это «воспитанием чувства реальности».

Нет, наша наука не иллюзия. Иллюзией, однако, была бы вера, будто мы еще откуда-то можем получить то, что она не способна нам дать.

На месте Ид (Оно) должно быть Эго (Я).
Зигмунд Фрейд

I. Несколько эпизодов из моего личного прошлого

Если человек задается вопросом о том, как возник его интерес к тем областям мысли, которым суждено было занимать наиболее важное место на протяжении всей его жизни, ответить ему будет не так-то просто. Может быть, у него была врожденная склонность к некоторым вопросам; может быть, на путь формирования его будущих интересов его привело влияние то ли кого-то из учителей, то ли общепринятых идей, то ли личных переживаний, – кто знает, какой из этих факторов определил ход его жизни? Конечно, если бы кто-то захотел точно определить относительный вес каждого из этих факторов, ответ можно было бы дать только с помощью подробной исторической автобиографии.

Поскольку целью настоящей книги является интеллектуальная автобиография, а вовсе не историческая, я постараюсь выбрать такие переживания отрочества, которые привели меня позже к тому, что я заинтересовался теориями Фрейда и Маркса, а также отношением между ними.

Если я хочу понять, как получилось, что первостепенный интерес для меня приобрел вопрос о том, почему люди поступают именно так, а не иначе, меня, пожалуй, устроило бы предположение, что единственному ребенку в семье

достаточно иметь вечно озабоченного и угрюмого отца и склонную к депрессии мать, чтобы у него пробудился интерес к странным, таинственным причинам реакций человека на окружающий мир. До сих пор в памяти жив один случай – должно быть, мне было тогда около 12 лет, – который подтолкнул мои мысли гораздо дальше прежнего и подготовил мой интерес к Фрейду, проявившийся лишь десятилетие спустя.

Вот что за случай. Я знал тогда одну молодую женщину, друга нашей семьи. Ей было, видимо, лет 25; она была красива, привлекательна, к тому же она была художницей – первая в жизни знакомая мне художница. Помнится, я слышал, что она была помолвлена, но через некоторое время разорвала помолвку. Помнится, она практически неизменно находилась в компании своего овдовевшего отца. Насколько я его помню, он был старым, неинтересным или, лучше сказать, невзрачным; по крайней мере мне так казалось (возможно, мое представление о нем было навеяно ревностью). Однажды я услышал шокирующую новость: ее отец умер, сразу после этого она покончила с собой, оставив завещание, в котором специально оговорила свое желание быть похороненной вместе с отцом.

Я никогда раньше не слышал ни об эдиповом комплексе, ни об инцестуозных привязанностях между дочерью и отцом. Но меня этот случай глубоко задел за живое. Я был очень увлечен этой молодой женщиной; ее непривлекатель-

ного отца я невзлюбил; и никогда прежде я не знал никого, кто покончил бы жизнь самоубийством. Меня пронзила мысль: «Как это возможно?» Как это возможно, чтобы красивая молодая женщина настолько возлюбила своего отца, что предпочла быть похороненной вместе с ним, вместо того, чтобы жить, получая удовольствие от жизни и от занятий живописью?

Ответа у меня, конечно же, не было, но вопрос «как это возможно» засел у меня в голове. И когда я познакомился с учением Фрейда, оно показалось мне ответом на загадочное и пугающее переживание того времени, когда я еще только вступал в пору отрочества.

Мой интерес к идеям Маркса имел совершенно иную подоплеку. Я воспитывался в религиозной еврейской семье, и книги Ветхого Завета волновали и развлекали меня больше, чем любые другие внешние воздействия. Впрочем, далеко не все в Ветхом Завете действовало на меня в равной степени. История покорения иудеями Ханаана вызывала у меня скуку и отвращение; я не находил ничего хорошего в рассказах о Мардохее и Эсфири; не ценил я в то время и Песню Песней. Зато на меня произвели большое впечатление рассказы о непослушании Адама и Евы; о заступничестве Авраама перед Богом ради спасения жителей Содома и Гоморры, о миссии Ионы в Ниневии и многие другие фрагменты Библии. Но больше всего меня растрогали книги пророков Исаии, Амоса, Осии; и не столько своими предостережениями

и предсказаниями грядущих несчастий, сколько обещанием «конца времени», когда народы «и перекуют мечи свои на орала, и копия свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (Исаия 2; 4), когда все народы станут друзьями и когда «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Исаия 11; 9).

Картина всеобщего мира и гармонии между народами глубоко тронула меня, когда мне было всего лет 12–13. Непосредственную причину того, что идеи мира и интернационализма были мною усвоены еще тогда, надо искать скорее всего в особенностях моего положения: мальчик-еврей в христианском окружении, испытывающий на себе некоторые проявления антисемитизма и, что еще важнее, чувствующий отчужденность и клановую обособленность обеих сторон. Я терпеть не мог клановости и, может быть, именно потому, что испытывал непреодолимое желание вырваться из эмоциональной замкнутости одинокого, хотя и избалованного мальчика. Что могло быть для меня более волнующим и прекрасным, чем пророческое видение всеобщего братства и мира?

Все эти личностные переживания, возможно, не так глубоко и надолго подействовали бы на меня, если бы не событие, определившее мое развитие больше, чем что бы то ни было еще: Первая мировая война. Когда началась война летом 1914 года, я был четырнадцатилетним мальчуганом, для которого наиважнейшим вкладом в личный опыт стали и об-

щая возбужденность от известия о начале войны, и празднование побед, и трагедия смерти солдат, которых я лично знал. Меня не беспокоила тогда проблема войны как таковой; ее бессмысленная бесчеловечность тогда еще не поражала меня. Но вскоре все изменилось, чему поспособствовал опыт общения с моими учителями. Мой учитель латыни, который на протяжении двух лет до войны заявлял на уроках, что его любимым изречением является «хочешь мира — готовься к войне», пришел в восторг, когда разразилась война. Тут-то до меня дошло, что его видимая забота о мире не могла быть истинной. Как это возможно, чтобы человек, который, казалось, всегда беспокоился о сохранении мира, теперь так ликовал по поводу начала войны? С тех пор мне трудно поверить в то, что, вооружаясь, мы способствуем сохранению мира, даже когда этот принцип отстаивают люди, в гораздо большей степени обладающие доброй волей и честностью, чем мой учитель латыни.

Точно так же меня поразила истерия ненависти к англичанам, охватившая в те годы всю Германию. Они вдруг превратились в жалких торгашей, злобных и бессовестных, стремящихся истребить наших простодушных и слишком доверчивых немецких героев. Посреди этой всенародной истерии в моей памяти особняком стоит одно событие, имевшее для меня решающее значение. На занятиях по английскому языку нам задали выучить наизусть Британский национальный гимн. Это задание мы получили накануне летних каникул,

когда еще был мир. Когда же возобновились занятия, мы, мальчишки, – частично из озорства, частично под влиянием общего настроения ненависти к Англии – заявили учителю, что отказываемся учить национальный гимн нашего нынешнего злейшего врага. До сих пор вижу, как он, стоя перед классом, отвечает на наши протесты иронической улыбкой и спокойно говорит: «Не морочьте себе голову, до сих пор Англия не проиграла еще ни одной войны». То был голос здравомыслия и реализма посреди безумной ненависти, и этот голос принадлежал уважаемому учителю, которым я восхищался! Одно лишь это высказывание в сочетании с тем, как спокойно и рассудительно оно было произнесено, явилось для меня лучом света, прорвавшимся сквозь ставшую привычной оголтелую ненависть и национальное самовосхваление. То был прорыв, заставивший меня с удивлением подумать: «Как это возможно?»

Чем старше я становился, тем больше росли мои сомнения. Многие мои дяди, двоюродные братья, более старшие школьные товарищи погибли на фронте; предсказанная генералами победа обернулась ложью, и скоро я научился понимать двойной смысл выражений «стратегическое отступление» и «победоносная оборона». К тому же произошло еще кое-что. С самого начала немецкая пресса представляла дело так, будто война навязана немецкому народу завистливыми соседями, желавшими задушить Германию, чтобы избавиться от удачливого конкурента. Войну изображали как

борьбу за свободу: в самом деле, разве Германия сражалась не против русского царя – этого воплощения рабства и угнетения?

Хотя все это звучало убедительно в течение некоторого времени, особенно потому что не слышно было ни одного возражения, мое доверие к этим утверждениям начало подтачиваться сомнениями. Прежде всего стало известно, что все большее количество депутатов-социалистов голосуют в рейхстаге против военного бюджета и подвергают критике официальную позицию германского правительства. По рукам ходил памфлет под названием «J'accuse» (Я обвиняю), в котором в первую очередь обсуждался вопрос о вине за войну – насколько я помню – с позиции западных союзников. Из него явствовало, что правительство империи вовсе не является невинной жертвой нападения, а, наоборот, вместе с австро-венгерским правительством несет основную ответственность за войну.

А война продолжалась. Окопы протянулись от границы Швейцарии на север до самого моря. Поговорив с солдатами, люди узнавали о том, как те жили, втиснувшись в окопы и блиндажи, под сильнейшим артиллерийским огнем, означавшим, что противник переходит в наступление, вновь и вновь пытаясь прорваться, и все безуспешно. Год за годом молодые здоровые солдаты каждой из воюющих наций, обитая в земляных углублениях, подобно животным, убивали друг друга из винтовок и пулеметов, ручными гранатами и

штыками. Бойня продолжалась под лживые обещания скорой победы, фальшивые заявления о собственной невинности, столь же фальшивые обвинения в адрес проклятого врага, притворные изъявления готовности заключить мир и неискренние провозглашения условий мира.

Чем дольше это продолжалось, тем больше я выросл и тем насущнее становился вопрос «Как это возможно?». Как это возможно, чтобы миллионы людей продолжали жить в окопах, убивать ни в чем не повинных представителей других народов и погибать самим, причиняя глубочайшую боль своим родителям, женам, друзьям? За что они воюют? Как это возможно, чтобы обе стороны верили, что воюют за мир и свободу? Как это возможно, чтобы разразилась война, когда все утверждали, что не хотят ее? Как это возможно, чтобы война продолжалась, когда обе стороны заявляют, что им не нужно никаких завоеваний, что им нужно лишь сохранить свое национальное достояние и целостность страны? Если же, как показали дальнейшие события, обе стороны все-таки стремились к завоеваниям и жаждали прославить своих политических и военных лидеров, как это возможно, чтобы миллионы людей с обеих сторон позволили истреблять себя ради какого-то куска территории или из-за тщеславия каких-то лидеров? Является ли война результатом случайности, лишенной смысла, или же она – продукт определенного социального и политического развития, осуществляемого по своим законам, – развития, которое можно понять – или

даже предсказать, если знать природу этих законов?

Когда закончилась война в 1918 году, я уже был глубоко озабоченным молодым человеком: меня всецело захватил вопрос о том, как возможна война; я был одержим желанием осмыслить иррациональность поведения человеческих масс, страстным желанием мира и взаимопонимания между народами. Больше того, я стал очень подозрительно относиться к официальным идеологиям и декларациям и проникся убеждением, что сомневаться надо во всем.

Я постарался показать здесь, какие переживания отрочества породили у меня горячий интерес к учениям Фрейда и Маркса. Меня мучили вопросы о явлениях индивидуальной и общественной жизни, и я жаждал получить на них ответ. Ответы я нашел в учениях как Фрейда, так и Маркса. Но меня подстегивали и противоположность двух систем, и желание объяснить эту противоречивость. В конечном итоге чем старше я становился и чем больше учился, тем больше я сомневался в некоторых положениях обеих систем. Тогда-то ясно определился мой основной интерес. Я захотел понять, какие законы управляют жизнью отдельного человека и каковы законы общества, управляющие людьми в их социальном существовании. Я попытался найти непререкаемую истину в построениях Фрейда, отделив ее от положений, нуждавшихся в пересмотре. То же самое попробовал я проделать и с теорией Маркса. Наконец, я постарался собрать воедино и свое понимание обоих мыслителей, и критическое от-

ношение к ним. Причем эту попытку я предпринял не только с помощью теоретических рассуждений. И не то чтобы я был невысокого мнения о чистом умозрении (все зависит от того, кто занимается умозрением); но, уверовав в высшую ценность сплава эмпирических наблюдений с умозрительными построениями (большая часть трудностей, с которыми сталкивается современная общественная наука, связана с тем, что в ней зачастую содержатся одни лишь эмпирические наблюдения без каких-либо умозрительных построений), я всегда стараюсь предоставить своей мысли возможность руководствоваться наблюдением фактов и, если кажется, что наблюдение подтверждает ее, стремлюсь пересматривать свои теоретические положения.

Что касается моей психологической теории, у меня была прекрасная возможность для соответствующих наблюдений. На протяжении более 35 лет я был практикующим психоаналитиком. Я тщательно обследовал поведение, свободные ассоциации и сновидения тех людей, которых подвергал психоанализу. Как в этом, так и в других моих сочинениях нет ни одного теоретического вывода, который не основывался бы на критическом наблюдении за поведением человека в процессе психоаналитической работы. Что же касается изучения общественного поведения, то я не так активно занимался им, как психоаналитической практикой. Хотя я страстно интересуюсь политикой лет с 11–12 (когда мы обсуждали политические вопросы с одним социалистом, заня-

тым в бизнесе моего отца) и по сей день, я в то же время понимаю, что по своему темпераменту не гоюсь для политической деятельности. Поэтому я не принимал в ней участия вплоть до недавнего времени, когда я вступил в американскую социалистическую партию и включился в движение за мир. Я поступил так не потому, что изменил мнение относительно своих способностей, а потому, что почувствовал, что мой долг – не оставаться в стороне, когда мир, похоже, движется к им же избранной катастрофе. Спешу добавить, что это было больше, чем чувство долга. Чем более нездоровым и обесчеловеченным предстает наш мир, тем большую потребность в единении с другими людьми, видимо, чувствует человек, – потребность в совместной работе с теми мужчинами и женщинами, которые разделяют его человеческую озабоченность. Я ясно ощущал эту потребность и благодарен тем людям, с которыми мне выпало счастье работать, за то, что своим товарищеским настроем они побуждали и поддерживали меня. Но хотя я не принимал активного участия в политике, моя социологическая мысль опиралась отнюдь не только на книги. Конечно, без Маркса и – в несколько меньшей степени – без других первопроходцев общественной науки моя мыслительная деятельность лишилась бы наиболее важных стимулов. Однако прожитый мною исторический период стал социальной лабораторией, в которой неудача исключена. Первая мировая война, революции в Германии и в России, победа фашизма в Италии, постепен-

ное приближение победы нацизма в Германии, закат русской революции и извращение ее достижений, гражданская война в Испании, Вторая мировая война и гонка вооружений – все это давало про стор эмпирическим наблюдениям, которые позволяли вырабатывать гипотезы, подтверждать их или опровергать. Страстно заинтересованный в том, чтобы разбираться в политических событиях, и в то же время признающий, что по темпераменту не создан быть их активным участником, я сохранил определенную степень объективности, хотя бесстрастность, которую некоторые политологи считают необходимым признаком объективности, мне совершенно не свойственна.

До сих пор я старался предоставить читателю возможность разделить со мной некоторые мои переживания и соображения, сделавшие меня особенно восприимчивым, когда в возрасте двадцати лет я соприкоснулся с идеями Фрейда и Маркса. На следующих страницах я оставляю в стороне упоминания о развитии моей персоны и буду говорить об идеях и теоретических представлениях как Фрейда, так и Маркса, о противоречиях между ними, о моей собственной идее синтеза – идее, проистекающей из попытки понять и разрешить эти противоречия.

Но прежде чем приступить к обсуждению систем Маркса и Фрейда, надо сделать еще одну оговорку. Как и Эйнштейн, Маркс и Фрейд были творцами современной эпохи. Все трое были преисполнены уверенности в том, что дей-

ствительность в основе своей упорядочена, а базисная упорядоченность, проявляющаяся в природе, частью которой является и человек, — это не загадка, которую нужно разгадать, но модель или план, которые нужно изучать. Поэтому в их работах — в каждой по-своему — сочетаются элементы высокого искусства и науки с ярчайшим выражением человеческого стремления к пониманию, его потребности в знании. В этой книге, однако, я буду заниматься только Марксом и Фрейдом. В связи с тем, что эти имена поставлены рядом, легко может сложиться впечатление, будто я считаю их равновеликими фигурами, имеющими одинаковое историческое значение. С самого начала хочу пояснить, что это не так. Вряд ли нужно говорить о том, что Маркс — это такая фигура всемирно-исторического значения, с которой Фрейд даже сравнивать нельзя. Даже если вы вместе со мной глубоко сожалеете о том, что почти в третьей части земного шара проповедуется искаженный и деградировавший «марксизм», это не уменьшает уникального исторического значения Маркса. Но и безотносительно к этому историческому факту я считаю Маркса мыслителем гораздо большей глубины и охвата, чем Фрейд. Марксу удалось соединить духовное наследие гуманизма эпохи Просвещения и немецкого идеализма с экономической и социальной реальностью и тем самым заложить основу новой науки о человеке и обществе, опирающейся на факты и в то же время проникнутой духом западной гуманистической традиции. И хотя большин-

ство систем, претендующих на то, чтобы говорить от имени Маркса, отвергают дух гуманизма или искажают его, я верю – и постараюсь показать в данной книге, – что возрождение западного гуманизма вернет Марксу его выдающееся место в истории человеческой мысли. Однако и после всего сказанного было бы наивным игнорировать значимость Фрейда только потому, что он не достиг высот Маркса. Фрейд является основателем подлинно научной психологии, а открытие им бессознательных процессов и динамической природы характера составляет уникальный вклад в науку о человеке, изменивший представление о человеке на все грядущие времена.

II. Общие основы

Прежде чем перейти к более подробному обсуждению теорий Маркса и Фрейда, хочу кратко описать основные предпосылки, общие для обоих мыслителей, – ту почву, на которой произрастает их мышление.

Эти фундаментальные идеи лучше всего можно выразить тремя короткими высказываниями, два из которых римские и одно христианское. Высказывания таковы: 1) Подвергай все сомнению. 2) Ничто человеческое мне не чуждо (Теренций)¹. 3) Истина приведет к освобождению.

Первое положение выражает то, что можно назвать «критическим умонастроением». Оно характерно для современной науки. Но если в естественных науках сомнительными представляются свидетельства органов чувств, общепринятое или традиционное мнения, то в теоретических построениях Маркса и Фрейда сомнения касаются в основном представлений человека о себе и о других. Как я постараюсь подробно показать в главе о сознании, Маркс полагал, что то, что мы думаем о себе и других, – как правило, чистейшая ил-

---

¹ Оба этих высказывания Маркс упоминал как свои любимые изречения. См. в книге E. Fromm Marx's Concept of Man (New York: 19 Frederick Ungar Publishing Co., Inc., 1961). – Примеч. автора. // В переводе на русский язык: Фромм Э. Концепция человека у Маркса // Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992. – Примеч. пер.

люзия, «идеология». Он считал, что наши собственные мысли – это копии идей, которые создаются в любом обществе и, в свою очередь, определяются спецификой его структуры и функционирования. Для Маркса характерно настороженное, скептическое отношение ко всем идеологиям, идеям и идеалам. Он всегда подозревал, что за ними кроются экономические и социальные интересы. Его скептицизм был настолько силен, что он почти не употреблял таких слов, как свобода, истина, справедливость, – потому, что ими так часто злоупотребляли, а вовсе не потому, что свобода, справедливость и истина не были для него высшими ценностями.

Фрейд мыслил в том же самом «критическом духе». Весь его психоаналитический метод можно описать как «искусство сомневаться». Находясь под сильным впечатлением от опытов с гипнозом, показавших, до какой степени человек в состоянии транса может принимать за реальность то, что ею не является, он открыл, что большая часть мыслей человека, не находящегося в трансе, также не соответствует действительности, в то время как большая часть реальности не осознается. Маркс считал определяющей реальностью социально-экономическую структуру общества, тогда как для Фрейда это либидозная² организация индивида. Однако оба они испытывали неистребимое недоверие ко всякого рода схе-

---

² Либидо – введенное Фрейдом понятие для обозначения энергетически заряженных влечений сексуального характера. – Примеч. пер.

мам, идеям, рационализациям³ и идеологиям, забивающим людям головы и создающим основу для заблуждений относительно действительного положения вещей.

Этот скептицизм по отношению к «расхожим мыслям» неразрывно связан с верой в освобождающую силу истины. Маркс хотел освободить человека от оков зависимости, отчуждения, экономического порабощения. Каков же был его метод? Отнюдь не сила, вопреки широко распространенному убеждению. Он хотел завоевать умы большинства людей. И хотя, согласно его учению, можно было бы применять и силу, если бы меньшинство тоже использовало силу в своем сопротивлении воле большинства, основным для Маркса был вопрос не о том, как взять государственную власть, а о том, как завоевать умы людей. Маркс и его достойные преемники пользовались в своей «пропаганде» методом, противоположным тому, что применялся всеми остальными политиками, будь то буржуа, фашисты или коммунисты. Он стремился воздействовать не демагогическим увещанием, которое приводит людей в полугипнотическое состояние, подкрепляемое чувством страха, а призывом к чувству реальности, правдой. В основе Марксова «оружия истины» лежит то же самое положение, что и у Фрейда: человек живет в мире иллюзий, потому что иллюзии помогают ему переносить

---

³ Рационализация – бессознательное оправдание собственного поведения путем приписывания ему ложных, но разумно звучащих оснований, приемлемых для сверх-Я; рациональное объяснение своих неразумных действий. – Примеч. пер.

убожество реальной жизни. Если ему удастся понять, чему служат эти иллюзии, если ему удастся очнуться от полудремотного состояния, он сможет прийти в себя, осознать свои подлинные силы и изменить действительность так, чтобы иллюзии больше не понадобились. «Ложное сознание», т. е. искаженная картина действительности ослабляет человека. Соприкосновение с действительностью, адекватное представление о ней прибавляют человеку сил. Поэтому Маркс верил, что наиболее важным оружием является правда, разоблачение истинного положения дел, скрытого под иллюзиями и идеологиями. В этом и состоит уникальность марксистской пропаганды: это эмоциональный призыв к определенным политическим целям в сочетании с научным анализом социально-исторических явлений. Наиболее известным примером такого соединения является, конечно, «Манифест Коммунистической партии». Он содержит в сжатой форме блестящий и ясный анализ истории, влияния экономических факторов и отношений между классами. И в то же время это политический памфлет, завершающийся пламенным обращением к рабочему классу. То, что политический лидер должен быть одновременно обществоведом и писателем, можно проследить не только на примере Маркса. Энгельс, Бебель, Жорес, Роза Люксембург, Ленин и многие другие руководители социалистического движения были писателями и вместе с тем изучали общественные науки и политику. (Даже Сталин, не обладавший литературным или научным даром,

вынужден был писать книги или хотя бы иметь книги, написанные от его имени, чтобы доказать, что он достойный преемник Маркса и Ленина.) В действительности, однако, при Сталине эта сторона социалистического движения претерпела полное изменение. Поскольку советскую систему нельзя подвергать научному анализу, советские обществоведы превратились в апологетов этой системы и сохранили научный подход только в технических вопросах, связанных с производством, распределением, организацией и т. д.

В то время как Маркс считал истину «оружием» для стимулирования социальных преобразований, для Фрейда она была средством вызывать индивидуальные изменения, и *осознание* было основным компонентом Фрейдовой терапии. Как обнаружил Фрейд, если пациент достиг нет прозрения насчет вымышленного характера своих осознанных идей, если ему удастся уловить действительность, скрытую за этими идеями, если он сумеет превратить бессознательное в осознанное, он приобретет достаточную силу, чтобы избавиться от собственной иррациональности и переделать себя. Добиться поставленной Фрейдом цели: «На месте Ид (Оно) должно быть Эго (Я)»⁴ – можно только благодаря усилию разума, направленному на то, чтобы прорваться сквозь вымысел и достигнуть осознания действительности. Именно такая

---

⁴ Формула Фрейда в переводе с немецкого языка выглядит так: «Там, где было Оно, должно быть Я». (Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М., 1991. – С. 349). – Примеч. пер.

функция разума и истины делает психоаналитическое лечение уникальным среди всех форм терапии. Каждый случай анализа пациента – это новое и оригинальное исследование. И хотя, разумеется, есть общие теории и принципы, которые можно использовать, не существует единого образца, единой формулы, которую можно было бы применять к каждому пациенту с пользой для него. Подобно тому как для Маркса политический лидер должен быть обществоведом, для Фрейда врач должен быть ученым, способным самостоятельно вести исследование. Для обоих истина – основное средство преобразования соответственно общества и индивида; осознание – ключ к лечению и общества, и индивида.

Утверждение Маркса о том, что «требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях», могло бы также принадлежать и Фрейду. Оба хотели освободить человека от оков иллюзий, чтобы дать ему возможность проснуться и действовать, как положено свободному человеку.

Третий основной элемент, общий для обеих систем, – это гуманизм. Гуманизм в том смысле, что каждый человек представляет все человечество, поэтому ничто человеческое не может быть чуждым ему. Маркс основывался на традиции, одними из наиболее выдающихся представителей которой были Вольтер, Лессинг, Гердер, Гегель и Гёте. Фрейд выразил свою гуманистическую направленность в первую очередь в концепции бессознательного. Он полагал, что всем

людям свойственны одни и те же бессознательные стремления и что поэтому люди смогут понять друг друга, если только осмелятся погрузиться в пучину бессознательного. Он обследовал бессознательные фантазии своих пациентов без возмущения, осуждения и даже без удивления. «Материал, из которого создаются сновидения», как и весь мир бессознательного, стали объектом исследования именно потому, что Фрейд признал их исконно человеческими и универсальными.

Принципы сомнения, могущества истины и гуманизма являются руководящими и движущими в деятельности и Маркса, и Фрейда. Впрочем, вводная глава об общей основе, на которой произросли идеи обоих мыслителей, окажется неполной, если не коснуться по крайней мере еще одной черты, общей для обеих систем: их динамического и диалектического подхода к реальности. Обсуждение этой темы особенно важно потому, что в англосаксонских странах гегелевская философия не в ходу на протяжении долгого времени, так что динамический подход Маркса и Фрейда жители этих стран просто не готовы понять. Давайте начнем с нескольких примеров как из области психологии, так и из области социологии.

Возьмем, к примеру, человека, который трижды женился и всегда по одной и той же схеме. Он влюбляется в симпатичную девушку, женится на ней и некоторое время чувствует себя невероятно счастливым. Затем он начинает жаловаться,

что его жена деспотична, что она ограничивает его свободу и т. д. По прошествии некоторого периода чередования ссор и примирений он влюбляется в другую девушку, в действительности очень похожую на свою жену. Он разводится, сочетается браком со своей второй «великой любовью». Однако тот же самый цикл повторяется с небольшими изменениями, и снова он влюбляется в девушку того же типа, и снова он разводится и в третий раз женится по «великой любви». И вновь повторяется та же история, и он влюбляется в четвертый раз, уверенный, что уж на сей раз это подлинная любовь (забывая, что и прежде каждый раз он был уверен в том же самом), и хочет жениться на ней. Что бы мы сказали этой последней девушке, если бы она спросила нас, может ли она рассчитывать на счастливый брак с ним? К этой проблеме есть несколько подходов. Первый из них – чисто бихевиористский. Суть его состоит в умозаключении от прошлого поведения к будущему. Аргументация звучала бы так: поскольку данный человек уже трижды уходил от жены, весьма вероятно, что он поступит так же и в четвертый раз, поэтому выходить за него замуж слишком рискованно. В пользу такого подхода – трезвого и эмпирически обоснованного – можно много чего сказать. Однако, воспользовавшись этим подходом, мать девушки столкнется с трудностью в поисках ответа на возражение своей дочери. А возражение гласит: хотя это чистая правда, что он трижды поступал совершенно одинаково, отсюда вовсе не следует, будто и на сей раз он сдела-

ет то же самое. Ее контраргумент основывается либо на том, что молодой человек изменился – а кто скажет, что человек не может измениться? – либо на том, что другие женщины были не такими, каких он мог бы глубоко полюбить, тогда как она – последняя из них – действительно ему подходит. Против такого довода у матери не нашлось бы убедительного возражения. В самом деле, стоило бы матери увидеть этого человека и заметить, в каком восторге он от ее дочери и с какой искренностью говорит о своей любви, как даже она, возможно, изменила бы свое мнение и склонилась к позиции дочери.

Подходы как матери, так и дочери равно лишены динамизма. Обе они предсказывают будущее либо на основе прошлых проявлений, либо опираясь на нынешние слова и поступки, однако ни та, ни другая не могут доказать, что их предсказания чем-то лучше простых догадок.

В чем же, в противовес такому подходу, состоит подход динамический? Суть этого подхода заключается в том, чтобы прорваться сквозь внешние проявления прошлого и настоящего поведения и понять, какие силы породили данный *образец* поведения в прошлом. Если эти силы все еще существуют, приходится предположить, что четвертая женитьба окончится не иначе, чем предыдущие. С другой стороны, если что-то изменилось в силах, лежащих в основании поведения, следовало бы допустить возможность или даже вероятность другого исхода по сравнению с прошлым. О каких

же силах идет здесь речь? В них нет ничего таинственного, и они отнюдь не плод абстрактных спекуляций. Они эмпирически постижимы, если только правильно подойти к изучению поведения личности. Например, можно предположить, что данный человек не разорвал первичных уз с матерью, что он очень нарциссичен⁵ и глубоко сомневается в собственной мужественности, что он подросток – переросток в своей постоянной потребности чувствовать восхищение и расположение со стороны других людей, так что, найдя женщину, удовлетворяющую эти его потребности, и завоевав ее, он вскоре начинает тяготиться ею. Ему нужны новые доказательства его привлекательности, поэтому он должен искать другую женщину, способную опять убедить его. В то же время он действительно зависит от женщин и боится их, а продолжительные интимные отношения заставляют его почувствовать себя поработленным и скованным. Здесь действуют такие силы, как нарциссизм, зависимость, неуверенность в себе, которые и порождают потребности, ведущие к описанному виду поведения. Как я уже говорил, эти силы ни в коем случае не результат абстрактного умозрения. Их можно проследить многими способами: исследуя сновидения, свободные ассоциации, фантазии; наблюдая за выражением лица, жестами, манерой говорить и тому подобное. Правда, зача-

---

⁵ Нарциссизм – склонность к замкнутости на себе, к самолюбованию как результат фиксации либидо на одной из ранних стадий развития психики (по имени героя древнегреческой мифологии Нарцисса). – Примеч. пер.

стую они не бросаются в глаза, их приходится выводить теоретически. К тому же их можно распознать только в рамках теоретической системы, где им принадлежит определенное место и значение. Особенно важно то, что эти силы сами по себе не являются неосознаваемыми, однако они находятся в противоречии с осознанными мыслями данного человека. Он искренне убежден в том, что будет любить эту девушку во веки веков, что он независим, силен и уверен в себе. Поэтому обычный человек думает так: раз человек чувствует, что любит женщину, как можно предсказывать, что он вскоре бросит ее, ссылаясь на такие мистические сущности, как «фиксация на матери», «нарциссизм» и т. п.? Разве наши глаза и уши не лучшие судьи, чем подобные дедуктивные выводы?

Точно такая же проблема есть и в марксистском обществоведении. Наилучшим введением в нее тоже послужит пример. Германия развязала две войны – одну в 1914 г., другую в 1939-м, – в которых она едва не покорила своих западных соседей и едва не нанесла поражения России. После первоначального успеха Германия в обоих случаях потерпела поражение главным образом из-за превосходящей мощи Соединенных Штатов; экономика Германии сильно пострадала, но в обоих случаях была быстро восстановлена, и через 5–10 лет после войны страна достигала такой же экономической и военной мощи, какой она располагала до войны. Сегодня по прошествии немногим более 15 лет после своего поражения, которое было гораздо более сокруши-

тельным, чем поражение в войне 1914–1918 гг., Германия – вновь сильнейшая в Европе индустриальная и военная держава (после Советского Союза). Она утратила значительную часть своей прежней территории, однако процветает больше, чем когда-либо прежде. В сегодняшней Германии демократический режим; у нее небольшая армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы; она заявляет, что не будет пытаться вернуть силой утраченные земли, хотя и не отказывается от претензий на них. С опаской и подозрением взирают на новую Германию страны советского блока и небольшие группы людей в западных странах. Это объясняется тем, что Германия дважды нападала на соседей и дважды заново вооружалась, несмотря на поражения; что генералы «новой» Германии – те же самые, что служили Гитлеру, и поневоле приходится ожидать, что Германия предпримет третью попытку, на этот раз напав на Советский Союз, чтобы вернуть себе утраченные земли. Лидеры стран НАТО, да и в значительной степени общественное мнение отвечают на это, что подобные подозрения неоправданны и даже совершенно фантастичны. Разве речь идет не о новой демократической Германии, разве ее лидеры не заявили, что они стремятся к миру, разве германская армия не является настолько малочисленной (12 дивизий), чтобы не представлять ни для кого угрозы? Если принимать во внимание только заявления западногерманского правительства (допуская, что оно говорит правду) и нынешнюю мощь страны, тогда позиция НАТО

представляется весьма убедительной. Если же доказывать, что Германия опять совершит нападение, потому что делала это раньше, то получим тоже довольно убедительный аргумент, не опровергающий, однако, того, что Германия могла совершенно измениться. Здесь, как и в приведенном выше примере из психологии, можно расстаться с домыслами только в том случае, если заняться анализом сил, определяющих развитие Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.